

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ У СИБИРСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Г. Т. Бакиева

Рассматриваются реформы в системе мусульманского образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в. Отмечается, что реформы, исходившие от официальных властей, плохо прививались в татарских конфессиональных школах Западной Сибири. Анализируется джадидистская реформа школьного образования среди сибирских татар. Анализ свидетельствует, что благодаря включению в программу мектебе и медресе татарского языка, ведению светских предметов на родном языке мусульманские школы начинают приобретать светские черты.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовался чередой реформ в сфере образования среди мусульманских народов, затронувших и сибирских татар. Вместе с тем российские власти не имели ясной и последовательной программы в проведении школьной реформы среди мусульман.

Проблемы национально-школьной политики самодержавия во второй половине XIX — начале XX в. на окраинах Российской империи начали разрабатываться исследователями еще в дореволюционный период. В историографии этого времени выделяются два направления: официальное и демократическое. Сторонники первого направления (А. Е. Алекторов, М. А. Миропиев, Н. Остроумов и др.) обосновывали необходимость проведения жесткой политики по отношению к мусульманским учебным заведениям. В работах этих авторов проводилась мысль об ассимиляции мусульман путем насаждения русскоязычных школ. Сторонники демократического направления (Р. Фахретдинов, Х. Атласи) рассматривали политику властей как антинародную. Их главной идеей явилось требование соблюдения права народов, проживающих на окраинах, вести обучение на родном языке [Фархшатов, 2000. С. 8–9]. Вместе с тем исследователи, оценивая правительственные мероприятия в области просвещения мусульман, затрагивали в основном проблемы татарского и башкирского населения Волго-Уральского региона.

В современной отечественной историографии также накоплен значительный опыт в исследовании политики властей в отношении национального образования мусульман. Однако и эти исследования проведены на материале, охватывающем в большей степени мусульманские народы Поволжья и Урала.

Некоторые аспекты национального образования у сибирских татар касались в своих работах Ф. Т. Валеев, И. Б. Гарифуллин, М. Г. Вольхина, Ю. У. Сафаралеева и др. [Валеев, 1993; 1998; Гарифуллин, 2004; Вольхина, 1997; Сафаралеева, 2006].

Настоящая статья посвящена изучению преобразований в системе мусульманского образования в конце XIX — начале XX в. у сибирских татар, вызванных как политикой правительства, так и объективными предпосылками.

Особенностью развития национального образования сибирских татар являлась его тесная связь с мусульманской религией. Как и другие народы России, исповедующие ислам суннитского направления, сибирские татары еще в конце XVIII в. были отнесены к ведению Оренбургского магометанского духовного собрания с центром в г. Уфе. Учреждая Оренбургское собрание, царское правительство рассчитывало, что оно будет своеобразным посредником между государством и народом в области просвещения. Мусульманские школы (мектебе и медресе) попали под юрисдикцию Духовного собрания, хотя это не получило законодательного оформления. Это выражалось в том, что Духовное собрание на протяжении всего XIX и начала XX в. устанавливало испытание, присваивало учительские звания и определяло учителей в мусульманские учебные заведения во всех подведомственных ему регионах [Азаматов, 1999. С. 144].

Мусульманские учебные заведения были двух типов: мектебе (начальная религиозная школа) и медресе (среднее учебное заведение). Мектебе имелось практически в каждой татарской деревне. Оно находилось при мечети, в одном из помещений, примыкающих к ней. Как

показывают материалы, мектебе у сибирских татар открывались по «желанию общества», на сельских сходах, «со времени устройства мечетей» [Патканов, 1888. С. 335].

Выяснить точное количество мектебе в этот период не представляется возможным. Однако если использовать при расчете количество имеющихся в губернии мечетей, то можно представить примерное число мектебе. По данным на 1904 г. из существующих в Тобольской губернии 157 мечетей в Тобольском уезде располагалась 61 мечеть, в Тарском — 38, в Тюменском — 41, Ялуторовском — 15 и Ишимском — 2 мечети [Список населенных мест..., 1904. С. 8–270]. Следовательно, количество мектебе можно считать примерно равным этому числу. Однако нужно иметь в виду, что в некоторых населенных пунктах школ не было, а детей учили «частным порядком», т. е. речь шла о домашнем обучении. Как это было, например, по данным на начало XX в. в волости Оброчных чувальщиков Тобольского уезда. В рапорте инородного управления отмечалось, что «медресе и мектебе в здешней волости нет, а дети инородцев учатся частным порядком у мулл» [ГУТОГАТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 4–6, 9–11].

Выявить точное число учащихся в школах-мектебе также не представляется возможным. Данные сохранились лишь по некоторым уездам Тобольской губернии. В Тобольском уезде в 1897 г. в трех татарских волостях в 23 школах обучались 451 мальчик и 213 девочек. В 1898 г. в Тюменском уезде в 34 школах-мектебе насчитывалось 1093 мальчика и 665 девочек [Лысов, 1898. С. 2; ГУТОГАТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–27]. В Ялуторовском уезде по данным на 1911 г. в 14 мусульманских школах обучалось 283 мальчика и 206 девочек [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 493. Л. 46, 703].

Учителями в мектебе обычно были приходские муллы. Как уже было отмечено выше, звания учителей присваивались Оренбургским духовным собранием. Самым высшим званием считался мударрис — старший учитель, заведующий медресе. Вторым по рангу шел мугаллим — учитель. Низшим являлось звание мугалим-сабияна — учителя малолетних детей. Звание мударриса присваивалось только имамам, а мугаллимами и мугаллим-сабиянами могли стать и муэдзины [Азаматов, 1999. С. 144]. К примеру, в Тюменском уезде большинство духовных лиц по данным на 1886 г. имели учительские должности — мугаллима (7 имамов) и мугаллим-сабияна (7 имамов). В юртах Муллашевских, Мало-Каскаринских и Кыштырлинских имамы не имели учительских званий [ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 11485]. Если мулла не выполнял обязанности учителя, на эту должность приглашали простых «грамотеев».

Назначая учителя мектебе в приход, прихожане на сходе могли определить годовое жалование учителя. Хотя в некоторых местностях определенного вознаграждения учителю общины не назначали, предоставляли право принимать приношения от учеников. Как правило, оплата учителям состояла в хлебе и деньгах. Например, мулла юрт Нижне-Ингальских Ялуторовского уезда «за право учения детей» получал от родителей «добром и деньгами, по их между собой соглашению» [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 493. Л. 703.]. Некоторые общины, по сведениям С. К. Патканова, предоставляли учителям дополнительный пай пашни, сенокоса или рыболовный пай [1888. С. 325].

В конце XIX — начале XX в. чиновники Министерства народного просвещения, обзревая мусульманские школы России, оставили следующее описание мектебе: *«Школьной мебели в мектебе нет: дети рассаживаются прямо на полу, поджавши под себя ноги, летом на циновках, зимою — на войлочных ковриках, которые они в некоторых местах обязаны приносить с собой. В виде исключения в некоторых школах перед учениками стоят длинные скамейки, которые им служат вместо письменного стола, где таких скамеек нет, книгу приходится держать в руках; писать приучаются, положивши бумагу на колени или прямо на ладони, держа ее в левой руке. Рассаживаются ученики перед учителем с трех сторон, «покоем», иногда в несколько параллельных рядов, причем поближе к учителю сидят старшие по курсу ученики, проходящие один общий учебник. Учитель сидит у стены, лицом к ученикам, при нем имеется длинная палка, а иногда и несколько, толщиною в большой палец»* [Школьный вопрос..., 1913. С. 281].

Следующее описание оставил Александр Ефимович Алекторов, директор народных училищ, который изучал положение мусульманских школ в начале XX в.: *«Гигиеническая обстановка мектебе невозможная: циновки и кошмы, коими застлан пол и на которых учащиеся сидят во время занятий и спят ночью, грязны и залезаны. Вследствие скученности и темноты, дверь приходится держать в большинстве случаев открытой. Отопление дает смрад и наполняет комнату угаром. Пишущему настоящих строк приходилось видеть мектебе, где дети, за недостатком места, помещались на полках, прибитых кругом стен в 2*

Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

этажа. В такой обстановке мальчики проводят, согнувшись над книгами и тетрадками, от 8 до 12 часов утра и от 2 до 5 часов вечера без всяких перемен» [1909. С. 187–188]. Еще одно описание мектебе находим в ежегоднике Тобольского музея за 1895 г. «В Ялуторовском округе... занятия проходят в частных домах. О пригодности этих домов для школ, с точки зрения санитарных требований, трудно сказать. Об их размерах, кубатуре, светоосвещении данных нет. Классной мебели... нет, учебные занятия проходят на “нарах”» [ЕТГМ, 1895].

Эти заметки, показывающие неудовлетворительное материальное положение мектебе, свидетельствовали об отсутствии государственной поддержки.

Программа обучения и система преподавания в школах-мектебе оставались неизменными в течение веков. Н. В. Чехов, характеризуя школу мусульманских народов России, писал, что она «гораздо более похожа на церковные школы средневековья, чем на учебные заведения XIX и даже XVIII века Западной Европы» [1912. С. 174].

Задачей мектебе было научить учеников обрядам, молитвам и правилам мусульманской религии. Учащимся давалось первоначальное образование, их обучали чтению и письму.

Чтение производилось вслух. Дети, вместе с учителем, громко выкрикивали название букв, затем учились написанию их, после — складыванию из них слогов и только затем — слов и фраз. Азбуку заучивали по несколько букв в один урок, затем переходили к складам. Этот метод назывался «буквослагательным». Данный способ обучения чтению не давал быстрых результатов, лишь усидчивость и способность отдельных учащихся позволяли им до конца освоить алфавит. После усвоения алфавита лучшие ученики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений восточных и татарских писателей на языке тюрки¹: «Баду-ам» (татарское стихотворение о пользе служения богу и богопротивных поступках, вроде неисполнения молитв, а также о чудесах мира), «Ахыр-заман китаби» («Книга о светопреставлении») С. Бақыргани, «Кисса-и Йусуф («Книга о Юсуфе») Кол Гали, «Кырык фарыс» («40 заповедей»), «Фазиль-шор» («Описание мучений за грехи на том свете») и др. [Алекторов, 1909. С. 188].

Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся. Кроме того, знакомясь с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы, учащиеся усваивали и некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что, безусловно, способствовало их умственному развитию.

Деления на классы в мектебе не было. Ученики различались между собой тем, кто какой учебник или отдел учебника изучал. Обычно время пребывания в училище зависело от способностей и усердия ученика. Не было и определенного времени для приема новых учеников в мектебе, так как с каждым учеником учитель занимался отдельно. Сознательного усвоения материала от учеников не требовалось, они заучивали на память то, что задавал учитель.

Говоря о программе мектебе в целом, можно констатировать, что она соответствовала целям и задачам правительства. По положению 1864 г., целью национальных школ было «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия», а лишь затем «распространять первоначальные полезные знания» [Сборник постановлений..., 1865. Стб. 1226].

Учащихся, успешно прошедших курс обучения в мектебе и желающих получить дальнейшее образование, отправляли в медресе. Большинство исследователей относят медресе к средним, а иногда и к высшим мусульманским учебным заведениям. М. Н. Фархшатов называет медресе «повышенной школой» [1994. С. 70].

Медресе готовили служителей культа, мулл, учителей начальных мусульманских школ [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 57 об.]. В Тобольской губернии первое медресе было образовано в г. Тобольске в XVII в. Оно являлось «первым средним мусульманским учебным заведением в Сибири и одним из старейших медресе в России». Здесь учились не только дети тобольских татар и бухарцев, но и приезжих из Тюменского, Ялуторовского и даже Тарского уезда Тобольской губернии. В дальнейшем медресе стали появляться и в других населенных пунктах, где проживали сибирские татары, и ко второй половине XIX в. их уже насчитывалось 30 [Гарифуллин, 2004. С. 74]. В зависимости от того, по чьей инициативе открывались и на какие средства содержались медресе, они были двух типов — частные и общественные. Частными являлись медресе в юртах Казанских, Тукузских, Турбинских Тобольского уезда; в юртах Ембаевских

¹ Тюрки — общее название региональных литературных тюркских языков XVII–XIX вв.: среднеазиатского, восточно-огузского, поволжского и северокавказского. Оказали влияние на формирование современных тюркских литературных языков. Среднеазиатский тюрки в Узбекистане называется староузбекским языком, восточно-огузский в Туркмении — старотуркменским, поволжский в Татарии — старотатарским. Имеется обширная литература. Графика арабская.

Тюменского уезда; в г. Таре Тарское медресе в конце XIX — начале XX в. содержалось на средства купца Абдул-Фаттаха Айтикина, Ембаевское — за счет братьев Сайдуковых [Валеев, 1993. С. 196]. К общественным относились медресе в юртах Вагайских, Кызылбаевских, Комаровских Тобольского уезда.

Для прохождения полного курса медресе требовалось 6–8, а иногда и 10–15 лет. Правда, не все ученики-шакирды заканчивали полный курс, большая часть выходили из медресе до его окончания [Фархшатов, 1994. С. 71].

Главными предметами для изучения были арабский язык, мусульманское богословие, логика, мусульманское законоведение (шариат), арифметика, геометрия, география, астрономия, медицина. В XVIII–XIX вв. эти учебные предметы изучались по древним арабским и среднеазиатским сочинениям.

Ученики медресе начинали с того, что выучивали наизусть Аваль-и-гыльм, т. е. краткий мусульманский катехизис в вопросах и ответах, изложенный на персидском языке, затем, уже более или менее основательно, изучали грамматику арабского языка. Следующий курс распался на 2 части: «мушкилят» и «масалья». Мушкилят — курс образовательный, масалья — юридический. Юридический курс включал религиозное право и гражданское и уголовное законодательство. Математику учащиеся проходили попутно, при изучении наследственного права, и ее изучение сводилось к 4 правилам арифметики и некоторым положениям геометрии, необходимым для измерения земли, при разделе ее наследниками, а также при купле-продаже. Книги богословского, философского и риторического содержания, а также по математике были написаны на арабском, турецком и персидском языках, что зачастую осложняло их понимание. Арабские руководства по изучению этих предметов: «фараиз» — гражданские законы преимущественно о наследстве и торговых делах; «Няху», «Шархмулла», «Кафия», «Кауагид», «Гауамил», «Магзи», «Бадян» — грамматика арабского языка и др. [Алекторов, 1909. С. 189].

Правительственные чиновники достаточно высоко оценивали медресе и ставили их на один уровень с богословскими факультетами университетов, духовными семинариями или академиями [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 263. Л. 303 об.; Ф. 821. Оп. 8. Д. 785. Л. 5 об.]. Положительно отзывался о медресе в г. Тобольске историк С. В. Бахрушин, считая его «рассадницей грамотности» среди татарского населения города» [1959. С. 212].

В то же время директор народных училищ А. Е. Алекторов считал, что обучение в медресе «возбуждает фанатизм и слепое верование в правила ислама, с другой же стороны, не отвечает требованиям современной жизни» [1909. С. 190].

Действительно, несмотря на в целом религиозно-схоластический характер обучения, лучшие медресе края обеспечивали своим ученикам сравнительно высокий по тем временам уровень подготовки. Благодаря наличию богатых библиотек при медресе некоторые шакирды занимались самообразованием и тем самым расширяли объем полученных знаний. Так, в библиотеке Ембаевского медресе в конце XIX в. насчитывалось более 2200 томов рукописных и печатных книг, выписанных или привезенных из Бухары, Туркестана, Египта, Сирии, Иерусалима. Некоторые из них являлись уникальными историческими памятниками [Валеев, 1993. С. 196–197].

Деятельность передовых учителей также способствовала расширению традиционной программы медресе. В 1870–1880-х гг. в Ембаевском медресе работал учителем Мулькай Юмачиков, выходец из тюменских татар. Юмачиков был образованным для своего времени человеком, владел арабским, персидским, казахским языками, писал поэтические произведения на татарском, казахском и арабском языках [Валеев, 1993. С. 193–194]. В медресе г. Тары в середине 80-х гг. XIX в. служил мударрисом уроженец этого города Абдерашит Гумерович Ибрагимов, получивший высшее образование в Медине. Позже А. Ибрагимов стал известным ученым-исламоведом, крупным общественно-политическим деятелем мусульман России [Валеев, 1998. С. 177–178; Кутумова, 1998. С. 204]. Достаточно высокий для своего времени уровень образования имели и некоторые педагоги женщины, обучавшие девочек. Так, в медресе г. Тары в 90-х гг. XIX в. обучала Биби-Ханифа Ниязова, которая, как писали в газете «Тарджиман», «отличается большими познаниями в турецкой и арабской письменности». Х. Ниязова публиковала педагогические работы, в которых излагала свои взгляды на обучение татар-мусульман [Валеев, 1993. С. 195–196].

В пореформенный период правительство пытается регламентировать мусульманское образование путем организации государственных школ. В основу организации школ легла педагогическая система известного ученого, миссионера Н. И. Ильминского (1822–1891). Суть системы Н. И. Ильминского заключалась в распространении среди «инородцев» русского языка «для

Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

сближения многочисленной мусульманской массы с русским государством и русским народом» [Остроумов, 1913. С. 303].

Система Ильминского использовалась для обучения не только крещенных «инородцев», но и вообще всех мусульман. В отношении первых система Ильминского ставила цель «укрепить их в православии». Для них предусматривалось учреждение четырехлетних школ с первоначальным преподаванием «на инородческих наречиях» [Журнал Министерства народного просвещения, 1870. С. 53]. Для «инородцев»-мусульман предусматривалось создание школ с упором на преподавание русского языка, хотя также допускалось, особенно в первый год обучения, применение родного языка [Там же. С. 59].

Изучение родного языка в школах системы Ильминского вызвало появление книг на «инородческих» языках. Стали появляться переводы как учебных, так и церковно-богослужбных православных книг. С этой целью по инициативе Ильминского в 1866 г. в Казани была учреждена особая переводческая комиссия при братстве св. Гурия. В продолжение более 30 лет она перевела на языки восточной части России громадное количество книг, брошюр и листов церковно-богослужбного и религиозно-нравственного содержания [Миропиев, 1908. С. 198]. Издания ее расходились в Сибири в конце XIX — начале XX в. во время охватившего Тобольскую епархию миссионерского движения.

Система Н. И. Ильминского была одобрена правительством и узаконена в 1870 г. в правилах «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан». Правила 1870 г. ставили более чем недвусмысленную цель — обрусение инородцев и «слияние с русским народом» [Журнал Министерства народного просвещения, 1870. С. 53].

Согласно правилам «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан», в мусульманских учебных заведениях русский язык вводился как обязательный предмет. Причем татарские общества должны были на собственные средства учреждать классы русского языка при мектебе и медресе. Утверждалось, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его», а учителями инородческих школ могли быть «инородцы», и «притом хорошо знающие русский язык, или же русские, хорошо говорящие по-татарски». Устанавливалось еще одно правило — «должно быть обращено внимание на образование женщин». Справедливо было подмечено, что «племенные наречие и особенности... преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями» [Сборник законов..., 1899. Ст. 1–5]. Однако эта мера не дала желаемых результатов: мусульмане противились применению этих правил и всеми способами уклонялись от обучения своих детей русскому языку. Русско-татарские школы в Тобольской губернии в этот период так и не появились. Преподавание русского языка осуществлялось лишь в некоторых медресе Тобольской губернии, например в Ембаевском и Турбинском.

Вместе с тем идеи властей нашли отклик среди представителей православной церкви. Стараниями епископа Тобольского и Сибирского Авраамия 8 сентября 1885 г. была создана школа при Иоанно-Введенском женском монастыре для обучения детей русских и татар. Первоначально в нее стали ходить 20 татарских и 16 русских учеников. Обучение состояло в изучении русского языка, «в усовершенствовании в чтении по книге, в передаче прочитанного устно по вопросам учительницы; в списывании с книги и прописей; по арифметике проходили 4 действия с устными задачами». Как указывалось в отчете за 1887 г., «пройдено: первоначальные буквы, склады, складывание отдельных слов и кратких предложений (по русскому языку.— Г. Б.); по арифметике — непрерывный счет до ста, письменное их обозначение и решение кратких устных задач, а по чистописанию заучивание наизусть букв» [Двадцатипятилетие Тобольского епархиального комитета..., 1897. С. 108].

Однако татары вначале подозрительно восприняли создание совместной школы. Как писала настоятельница монастыря, «пришлось неоднократно объяснять недоверчивым, что русские и татары — соседи; те и другие — подданные одного Царя, и поэтому взаимно должны помогать друг другу; что и в житейском быту они имеют сношения не с одними своими соплеменниками, но и с русскими, причем русская грамота принесет им много пользы» [Отчет Тобольского епархиального комитета..., 1889. С. 11–13]. Неоднократные разговоры с татарами, наконец, начали понемногу убеждать их в пользе обучения русской грамоте. Обитель оказывала бедным и больным врачебную и материальную помощь, и это еще более привлекло татар к монастырю. В пользу положительного решения об отдаче детей в монастырскую школу служило то, что обучение производилось бесплатно за счет монастыря. Поскольку дети при поступлении в шко-

лу совершенно не знали по-русски, необходимо было, чтобы учительницы знали татарский язык. Две послушницы, которые были назначены учителями детей, Нина Лепехина и Екатерина Глазкова, благодаря своему старанию и помощи местного муллы научились татарскому языку.

Родители-татары с самого начала живо заинтересовались обучением их детей. Как отмечала настоятельница, «ни одного дня не проходит, чтобы кто-либо из отцов или матерей питомцев не посетил школу и со вниманием не послушал, как малолетки их обучаются русской грамоте, арифметике и проч. ... Теперь уже родители начали понимать пользу обучения, особенно те из них, которые несли или несут общественные должности или служили в казаках». Отмечалось, что благодаря обучению в этой школе дети татар «восприимчивее будут к усвоению в своем быту начал русской гражданственности» [Отчет Тобольского епархиального комитета..., 1889. С. 11–13].

Однако татары, несмотря на соседство, с неохотой отдавали своих детей в русские школы. Архивные материалы свидетельствуют, что это были единичные случаи. Так, например, в начале XX в. в с. Бегишевском Тобольского уезда русскую школу посещали всего два мальчика из татар [ТЭВ, 1906. С. 300]. В деревне Луговской Тюменского уезда в 1897 г. в русском училище учился всего один ученик [Лысов, 1898. С. 11].

В целом невысокие результаты мероприятий властей относительно «обрусения» «инородцев» через реформирование школы татар-мусульман вынудили отменить правила «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан». 5 февраля 1882 г. Александр III предписывает учебным властям оставить мусульманские учебные заведения «в прежнем положении» и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них [Фархшатов, 1994. С. 48].

Но власти вскоре вновь обращают свой взгляд на мусульманское образование. На этот раз меры касались мусульманского духовенства. 16 июля 1888 г. Александр III подписал указ о введении образовательного ценза для всех утверждаемых в духовном звании лиц. Согласно указу, при определении высшего приходского духовенства (ахунов и хатыбов) требовалось предъявить свидетельство об успешной сдаче экзаменов по программе одноклассного начального народного училища, а от кандидатов на должность имамов и муэдзинов — свидетельство уездных училищных советов о знании ими русской разговорной речи и чтения [Фальборк, Чарнолуцкий, 1899. С. 484].

Были разработаны правила для производства испытаний и выдачи свидетельств духовным лицам мусульман. Для проведения испытаний в каждом из городов, по мере надобности, создавалась особая комиссия под председательством директора заведения и двух преподавателей светских предметов, в число которых обязательно должен был входить учитель русского языка. Там, где существовало городское училище, по положению 31 мая 1872 г., имеющее не менее 3 классов, должны были создаваться испытательные комиссии. Там, где не было таких училищ, комиссия могла создаваться в одном из учебных заведений: учительской семинарии, учительском институте, прогимназии, гимназии или реальном училище. Устанавливался период для проведения испытания: с 1 сентября по 1 мая. К испытанию могли допускаться лица, достигшие 21 года. Лица, желавшие подвергнуться испытанию при том или ином учебном заведении, должны были подать на имя начальника этого заведения прошение, написанное собственноручно на русском языке по установленной форме. При прошении прилагались: удостоверение от полиции о личности, звании или состоянии и о возрасте просителя; свидетельство об образовании [РГИА. Ф. 733. Оп. 171. Д. 657. Л. 53–54, 84–89 об.].

Значительные изменения в системе школьного образования сибирских татар произошли в конце XIX — начале XX в. в результате движения, охватившего все мусульманские регионы страны, получившего название «джадидизм» (от «усуль джадид» — «новый метод»). Он стал альтернативой для господствовавшего долгое время в системе мусульманского образования «усуль кадим», т. е. «старого метода».

Это движение первоначально распространилось среди крымских татар, благодаря выдающемуся просветителю и гуманисту Исмаил бее Гаспринскому (1851–1914). В 1883 г. в Бахчисарае он основал газету «Тарджиман» («Переводчик») на русском и татарском языках, которая в течение десятилетий исполняла роль единственного периодического печатного органа тюркоязычных народов России. Именно в ней излагались пути развития этого движения, охватившего все мусульманские регионы Российского государства.

Центрами нового метода стали «новые школы» Троицка, Оренбурга, Казани, в которых более рационально стали преподавать шариат и светские науки.

Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

Джадидизм включал в себя комплекс различных мероприятий. Прежде всего, произошла замена буквослагательного метода обучения грамоте звуковым. Это новшество не только облегчало обучение, но, что весьма существенно, заметно сокращало срок учебы — с 6–7 до 2–3 лет [Ганкевич, 2001. С. 379].

Джадидизм предполагал и реформу учебного курса школы. В них началось изучение родного языка, ряда светских предметов. По мысли самого Исмаила Гаспринского, в медресе должны изучаться на татарском языке сокращенные курсы географии, истории, естественных наук, арифметики с планиметрией, педагогика и краткое русское законоведение [1993. С. 54]. Что же касалось введения в курс мусульманских школ русского языка, то Гаспринский считал, что это преждевременно, «пока элементарные познания не распространятся среди мусульман и не шевельнут их мозгов, до тех пор русская наука и речь будут для них недосыгаемы» [Там же. С. 49].

Джадидисты подняли вопрос о светском образовании женщин. У сибирских татар это было воплощено в жизнь, в частности, благодаря стараниям Халила Халилова (Халил-ишан). Он родился в юртах Турбинских Тобольского уезда в 1864 г. Окончив медресе в г. Троицке, Халил-ишан возвращается в родной аул и на свои средства открывает мужское, а затем и женское медресе. Несомненно, получив образование в г. Троицке в одном из центров джадидистского движения и восприняв прогрессивные идеи, Халил-ишан переносит их в свои медресе. Здесь учатся шакирды из Тобольска, Тюмени, Тары. Число учащихся иногда достигало 300 чел. В медресе изучался русский язык. В женское медресе была приглашена из Симбирска учительница Ханифа, впоследствии ставшая женой Халила-ишана [Кутумова, 1998. С. 204]. Обучение женщин в конце XIX в. стало осуществляться и в других учебных заведениях — в медресе Тары, Тюмени, Ембаево [Валеев, 1993. С. 195; Гарифуллин, 2001. С. 132].

Кроме того, произошло упорядочивание организации учебного процесса в мектебе и медресе. Был установлен твердый учебный год, осуществлялся переход к классно-урочной системе, вводились расписание занятий, экзамены, ограничивалось применение телесных наказаний.

Таким образом, «новый метод» представлял собой не только новый способ преподавания. Он означал «полное преобразование архаической, мусульманской школы в европейскую» [Школьный вопрос..., 1913. С. 287].

Для успешного распространения новых методов понадобилась принципиально новая учебная и методическая литература. В конце XIX — начале XX в. в Казани, Оренбурге, Петербурге начинает издаваться огромное количество литературы на татарском языке: это были учебники, научные и популярные издания, художественная литература. Положение центрального пункта по изданию новых учебников заняла Казань. В ней, особенно с 1905 до 1908 г., издавалась масса татарских газет и учебников по разным наукам: полный курс всеобщей географии, истории на татарском языке (пер. Шишко), геометрии (пер. учебника Давыдова), физики (Малинин), арифметики, космографии, гигиены, анатомии, педагогики, богословия и философии [Алекторов, 1909. С. 182]. Книги на поволжском татарском литературном языке широко распространились в Сибири. Сибирские татары знакомятся с поволжским языком, начинают читать на нем книги, пользоваться учебниками. Обучение в медресе Казани и Тобольской губернии осуществлялось по одним и тем же учебникам, изданным на поволжско-татарском языке в конце XIX — начале XX в. Популярностью пользовались произведения ученых-просветителей: Ш. Марджани, К. Насыри, Р. Фахрутдинова, Г. Ибрагимова. Широкому кругу читателей были известны произведения Г. Тукая, Ф. Амирхана, М. Гафури. Были распространены в Сибири книги стихов казахского и башкирского поэтов Абая Кунанбаева, Мифтахетдина Акмуллы.

У сибирских татар первым медресе, где были введены новые методы обучения, явилось Ембаевское. Известный этнограф Ф. Т. Валеев считает, что в Ембаево переход к джадидизму произошел раньше, чем во многих других медресе страны [1993. С. 196]. Это было, несомненно, обусловлено наличием прогрессивно настроенных преподавателей, работавших в Ембаево, — выпускников медресе Уфы, Казани, Оренбурга, Троицка. Именно в этих учебных заведениях шакирды знакомились с идеями джадидизма, а затем, усвоив их, применяли в своей учебной практике.

Активными сторонниками обучения учащихся медресе по новому методу выступали как общественные деятели, учителя, так и прогрессивные представители мусульманского духовенства. Так, известный общественно-политический деятель, ученый, исламовед Габдерашит Ибрагимов (1857–1944), выходец из сибирских бухарцев, ратовал за новые методы обучения в медресе. В записке «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России», поданной Министерству народного просвещения, Г. Ибрагимов писал о том, чтобы

власти, прежде всего, дали возможность развиваться народу, расширять кругозор, и «тогда он сам поймет, что ему нужно, и сам будет стремиться к изучению государственного языка и воспитанию детей в русских учебных заведениях». Он считал, что в мектебе и медресе должны быть разработаны особые программы учебных занятий особыми комиссиями из компетентных лиц. В число обязательных предметов в мектебе и медресе кроме наук духовных необходимо ввести и общеобразовательные: арифметику, географию, историю Русскую и всеобщую. Все эти предметы должны, по мнению Г. Ибрагимова, преподаваться на родном языке учащихся. Также автор записки считал, что для окончивших курс мектебе и медресе следует установить особый выпускной экзамен с выдачей свидетельства [РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 102. Л. 225–229].

Аналогичные идеи выражали и некоторые передовые мусульманские учителя. Выступая в целом за реформирование школы, они хотели оставить ее религиозную основу. 21 января 1908 г. в журнале «Маалюмат», который стал выходить в Уфе, под редакцией члена Государственной думы 2-го созыва М. С. Хасанова, была напечатана резолюция съезда учителей г. Омска и предлагалась примерная программа реформированной школы [Школьный вопрос..., 1913. С. 293]. Заметим, что журнал издавался при поддержке Оренбургского магометанского духовного собрания.

В предисловии к программе отмечалось, что в новометодных школах необходимо уделить внимание светским предметам (арифметике, географии, истории, арабскому языку), «как имеющим прямое отношение к предметам религиозного характера». Так, например, «при изучении отдела шариата о наследстве и о долях его и применении наследственного права в практической жизни — необходимо знание арифметики. Обращение к кибле во время обязательных молитв требует знания географии. История пророков, равно как и история ислама, также имеют большую связь с мусульманской религией; знание же арабского языка необходимо для каждого мусульманина». Программа была рассчитана на 5 отделений. В каждом отделении (равняющемся полугодью) учащиеся должны были проходить чтение на татарском («материнском») языке, пересказ прочитанного по книгам, написанным татарскими авторами. Также учащиеся должны были научиться писать со слов учителя из книг на татарском языке. Большое внимание в программе во всех отделениях уделялось чтению Корана, заучиванию наизусть молитв. Также ученикам должны сообщаться и разные полезные (исторические, географические, религиозные, светские) сведения.

Для иллюстрации далее приведем программу двух отделений.

Программа 1-го отделения

Азбука и чтение. Изучение азбуки и уроки чтения по книге, составленной на чисто материнском языке. Краткий пересказ прочитанного. В первое полугодие обучение азбуке ведется по учебнику «Первый учитель», составленному Хади Максудовым, во второе полугодие чтение ведется по книге Зебирова, Ч. 2 «Путеводитель детей» (Казанское издание).

Хэфтиэк. В течение первого учебного года дети читают Коран по Хэфтиэку и проходят суры в последовательном порядке, начиная с первой до суры «Милосердный» (по корану 55 глава, по хэфтиэку 50 страниц). Таким образом, в первый год обучения ученики прочитывают по хэфтиэку 50 страниц.

Письмо и диктант. *Письмо:* разученные статьи ученики списывают с книги.

Диктант: на первых ступенях обучения дети пишут со слов учителя сначала отдельные слова, которые предлагались ученикам на чистом материнском языке.

Заучивание наизусть. Заучивание наизусть формулы: «прибегаю к аллаху»; Да помилует тебя Бог; Нет Бога, кроме Бога и Мухаммед его пророк; Свидетельствую, что нет Бога, кроме Бога».

Суры: Фатиха, 1 глава Корана и «Единство Божие», глава 112 Корана. На этих же уроках со слов вероучителя разучиваются молитвы.

Устная беседа (сообщение учителем полезных сведений). Чтобы приучить детей к скромности и учтивости, раз в неделю сообщаются им правила вежливого обхождения.

Программа 2-го отделения

Хэфтиэк (Извлечение из Корана). В первое полугодие учебного года заканчивается чтение Хэфтиэка, во второе полугодие приступают к чтению полного Корана и доходят до суры «Поклонения Имрана» (отец Моисея). Глава 3 (всего же 293 стиха).

Тюркское чтение. Чтение книги на родном языке. Объяснение и пересказ прочитанного. В 1 полугодие чтение по книге «Тюркское чтение», а во 2-е полугодие по книге Зебирова, ч. 3 «Путеводитель детей».

Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

Основы мусульманского вероучения. Учащиеся проходят вкратце: сущность мусульманского вероучения и его совершенство. Доказательство несомненности бытия Бога. Превосходство мусульманской религии пред другими религиями. Рождение пророка Мухаммеда и его посланничество. Правоверные халифы после смерти Мухаммеда. Основы мусульманского вероучения проходят по книге «Начало познаний».

Знания, необходимые в повседневной жизни: очищение водой; омовение; омовение всего тела; закят. Все эти сведения — по книге, составленной Мухаммедом Керимом Дибирдиевым «Основы Ислама».

Письмо и диктант. Ученики переписывают прочитанные отрывки из книги для чтения. Эти же отрывки служат материалом для диктанта. Таким образом, в течение 2 полугодия дети учатся писать слова и предложения, выраженные на материнском языке. Обращается внимание на каллиграфию.

Заучивание наизусть. Дети заучивают наизусть 10 сур, начиная со «Слона» (сура 105 и до конца Корана). Слон, Корейшиты, Милостыня, Кевсер, Неверные, Помощь, Абу-Ляхэб, Единство Божие, Рассвет, Люди. Всего во втором году обучения разучивают 47 стихов. Кроме того, на память молитвы на различные случаи и понемногу небольшие стихотворения.

Арифметика. Письменное и устное счисление до 1000. Сложение и вычитание до 100.

Положения при молитве. Дети разучивают 5 положений при 5-кратном намазе (без научного объяснения, а только путем наглядности).

Устная беседа. Сообщение полезных сведений. Один раз в неделю со слов учителя сообщаются ученикам полезные сведения религиозного и светского характера» [Школьный вопрос..., 1913. С. 293–295].

Анализируя данную программу, можно увидеть, что произошло изменение характера мусульманской школы, выразившееся не только во введении ряда светских предметов, но в большей степени в том, что родной язык вводится как предмет и становится языком обучения. Таким образом, по мысли мусульманских властей и учителей, школы должны были стать полусветскими, а главное, национальными.

В начале XX в. власти вновь поднимают вопрос о языке преподавания в мусульманских школах. Как считали многие представителей власти, языком преподавания в «инородческих» школах должен быть не родной, а русский язык. В третьей Думе был выработан проект нового положения о начальных училищах. В параграфе 17 этого законопроекта указывалось: «В училищах, в коих дети при поступлении в них не говорят по-русски, допускается при обучении пользоваться природным языком в первые два года обучения. С начала 3-го года обучения, преподавание всех предметов, кроме Закона Божия и родного языка, должно производиться на русском языке. К преподаванию русского языка надлежит в таких училищах приступать не позже 3-го месяца первого года обучения» [Чехов, 1912. С. 182].

В 1906 г. утверждаются правила относительно мусульманских учебных заведений. Устанавливалось, что училища для образования «инородцев» должны быть первоначальными (школы грамоты) с двухгодичным курсом, начальные одноклассные с четырехгодичным и двухклассные с шеститигодичным курсом обучения.

Кроме этих школ, на средства правительства, обществ или частных лиц могли учреждать классы русского языка при конфессиональных инородческих училищах, а также отдельно от них. Отмечалось, что учителями в этих училищах и классах могли быть как «иноверцы соответствующих исповеданий, хорошо знающие русский язык, так и русские, хорошо знающие местные инородческие наречия». Открытие частных инородческих вероисповедных училищ происходило с разрешения инспектора инородных школ, «по представлении надлежащих удостоверений, что содержание училища обеспечено необходимыми для того средствами, что при нем будет состоять класс русского языка». На инспекторов народных училищ возлагался и надзор за школами мусульман и теми учебниками и пособиями, которые использовались в этих школах [Анцыферов, 1913. С. 272–273].

И в дальнейшем правительство отстаивало мнение относительно введения русского языка в начальных школах мусульман. Резолюция первого общеземского съезда по народному образованию, проходившего в Москве в 1911 г., пошла дальше в этом вопросе. В ней утверждалось правило, чтобы изучение русской речи в мусульманских начальных школах начиналось с первого года обучения. Перед учащимися ставилась задача — «уметь говорить по-русски и писать без искажения слов» [Чехов, 1912. С. 182–184].

Местные власти также не оставляли вниманием мусульманские школы. Тобольский губернатор в начале XX в. в переписке с министром народного просвещения выражал озабоченность состоянием школьного образования среди татар и бухарцев губернии. В частности, чиновник сообщал о том, что несмотря на «долговременное соседство с русскими» татары мужчины могут лишь «объясняться по-русски, хотя нередко с немалым трудом». Губернатор считал, что незнание татарами русского языка «способствует фанатическому отчуждению их от всего русского». Он был убежден, что главным препятствием к распространению русской грамотности среди татар было отсутствие специальных школ. Далее губернатор предлагал конкретные меры по реализации планов по распространению «русской грамотности»: для обучения татар и бухарцев необходимо открыть первоначально не менее 4 школ — по одной на уезды, с назначением в них учителей из татар. При этом предпочтительным чиновник считал привлекать в эти школы учителей из татар, окончивших Казанскую татарскую учительскую семинарию. Предусматривалось, что для привлечения учителей издалека необходимо назначить им оклад «значительно повышенный сравнительно с окладом, получаемым учителями в русских школах». В дальнейшем такие школы предполагалось открывать и в татарских селениях [РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 1861. Л. 6–7].

Открытие 1 августа 1913 г. в г. Тюмени русско-татарской одноклассной школы явилось конкретным примером воплощения намерений властей по образованию татар-мусульман на новых началах. Школа была открыта на средства Тюменского городского управления в помещении, предоставленном бесплатно А. И. Текутьевым. На содержание школы от казны поступало 420 руб. и из городских сумм 240 руб. в год. Хозяйственные и учебные расходы по училищу относились на счет магометанского общества. Учителями школы являлись тюменский мулла С. Г. Габитов, учитель мусульманского вероучения и татарского языка и учитель русских образовательных предметов Муратов Исмаил Ибрагимович из казанских татар, мусульманского вероисповедания, окончил курс в Казанской татарской учительской школе. За работу учителя получали жалованье: С. Г. Габитов — 120 руб., И. И. Муратов — 540 руб. в год.

В школе обучались 58 мальчиков. Срок обучения составлял три года. Преподавание велось на русском языке с первого года обучения (кроме Закона Божия и родного языка), так как отмечалось, что все поступающие мальчики сносно говорят по-русски уже в семье до поступления в школу.

В школе имела ученическая библиотека, насчитывавшая 102 книги на русском и татарском языках, приобретенные по каталогу разрешенных книг для начальных училищ Министерства народного просвещения. Далее указаны названия учебников на татарском языке, которые использовались в школе:

1. Татарская азбука «Мугаллым-Эль-аввель», сост. Гадимаксудов.

2. Книга для чтения «Уку», сост. Хусаин Абузяров.

3. Вероучение «Гильми-Халь», сост. Зуфар Касымов.

4. Чтение Аль-Корана по правилам, книга с правилами для Корана, сост. Шагит Рязанов.

5. Диктант, руководство для учителей книга «Имя Мугаллими», сост. Сала-Метдин Кацалетдинов.

6. История, книга «Тарих Анбия», сост. Рахим Ханафи.

По русским предметам использовались следующие учебники:

1. Азбука и книга для чтения во всех отделениях «Добрые семена», сост. Баранов.

2. Задачки по арифметике: Арженникова и Евтушевского.

3. Прописи Гербача (чистописание).

4. Курс правописания, 3 выпуска, сост. Некрасов [Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, 1917. С. 439].

Полусветский характер приобрела в этот период и татарская школа в г. Тобольске. Здесь, наряду с изучением Корана, преподавались математика («счет»), история, ориентирование, этика, физкультура, татарский язык («казанские тюрки»), диктант. Программой предусматривалось выставление оценок, а также переводные экзамены. В школе получали образование и девочки [Национальная школа..., 2005. С. 30].

В то же время мусульманские школы — мектебе продолжали открываться в татарских селениях. Так, в Беловской волости Ишимского уезда, по рапорту уездного исправника, в 1906 и 1910 гг. в деревнях Окуневская и Мавлютка соответственно были открыты мектебе. Обе школы были открыты по решению общин, Окуневская содержалась на средства общества, а Мавлю-

Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в.

тинская — на средства Хабизуна Изитулина Амирова, одновременно являвшегося преподавателем школы. В этих школах обучение проводилось на татарском языке; основными предметами являлись элементарное письмо, изучение Корана и религиозных обрядов [ГУТОГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 589. Л. 3].

Высшее Оренбургское мусульманское духовенство постепенно также начинает осознавать потребность в распространении русской грамоты среди своей паствы. В начале XX в. муфтий рассылает муллам, подведомственным Оренбургскому духовному собранию, «разъяснение относительно пользы изучения русского языка и русской грамоты», в котором указывалось, «что в этом нет ничего греховного с точки зрения мусульманства» [РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 1861. Л. 7].

* * *

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в школьном образовании сибирских татар происходили значительные изменения. Реформы были обусловлены объективными причинами: мусульманские школы «старого порядка» не отвечали потребностям изменившегося общества. Необходимость реформ осознавали и официальные власти, и прогрессивные представители мусульманского общества. Выразителем официальной идеологии явился миссионер Н. И. Ильминский. Система Н. И. Ильминского, ставившая задачу обрусения «инородцев» путем введения русского языка в мектебе и медресе, плохо прививалась в татарских конфессиональных школах Западной Сибири.

В то же время идеи И. Гаспринского, опиравшиеся на новые методы в системе конфессионального образования мусульман, были поддержаны мусульманским населением Сибири. Новометодные школы, не затрагивая в целом конфессиональной основы, в то же время постепенно начинают приобретать светские черты. Благодаря введению в программу мектебе и медресе татарского языка, ведению светских предметов на родном языке мусульманские школы начинают приобретать национальный характер.

Следует отметить, что реформы в школьном образовании у сибирских татар развивались параллельно аналогичным процессам, происходившим среди мусульман других регионов, прежде всего Поволжья и Урала. Кроме того, в новометодных школах и Поволжья, и Сибири использовались учебники, литература на волжско-татарском языке. Безусловно, это способствовало сближению сибирских и поволжских татар.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГУТОГАТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10, 182; Ф. 417. Оп. 1. Д. 493, 589.
РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 263. Оп. 171. Д. 657. Оп. 172. Д. 1861. Оп. 173. Д. 102; Ф. 821. Оп. 8. Д. 785. Оп. 133. Д. 466.
ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 11485.
Двадцатипятилетие Тобольского епархиального комитета Православного миссионерского общества, 1872–1896. Тобольск, 1897.
Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895.
Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 3–4, отд. 1.
Национальная школа сибирских татар: Хрестоматия. Тюмень: Вектор Бук, 2005. Т. 3.
Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1888 г. Тобольск, 1889.
Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск, 1917.
Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. Казань, 1899.
Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3.
Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. 11, ч. 1.
Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904.
Тобольские епархиальные ведомости. 1906.

Литература

- Азаматов Д. Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце 18–19 вв. Уфа, 1999.
Алекторов А. Е. Новые течения в жизни магометанских школ // *Журн. М-ва народ. просвещения*. Нов. сер. Ч. 20. СПб., 1909. С. 187–202.
Анцыферов С. И. Начальные училища для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России: (Из «Справочной книги по низшему образованию») // *Мир ислама*. СПб., 1913. Т. 2, вып. 4.

Г. Т. Бакиева

- Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1959. Т. 4.
- Валеев Ф. Т. Сибирские татары: Культура и быт. Казань, 1993.
- Валеев Ф. Т. Вклад ученых из сибирских татар в изучение и развитие культуры тюркских народов России в конце XVIII — начале XX в. (до Февральской и Октябрьской революций 1917 г.). // Сибирские татары: Материалы 1-го Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 1998. С. 176–178.
- Вольхина М. Г. Из истории татарского просвещения в Сибири // Ежегодн. ТОКМ. Новосибирск, 1997. С. 109–122.
- Ганкевич В. Джадидистская реформа народного образования крымских татар в конце XIX — начале XX в. // Иордан М. В., Кузеев Р. Г., Червонная С. М. Ислам в Евразии: Современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 378–384.
- Гаспринский И. Русское мусульманство // Россия и Восток. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Казань, 1993.
- Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2001.
- Гарифуллин И. Б. К вопросу о дореволюционных конфессиональных школах татар // XVI Словцовские чтения: Материалы XVI Всерос. науч.-практ. краевед. конф. и заседания Сиб. филиала Науч. совета ист.-краевед. музеев при М-ве культуры и массовых коммуникаций РФ. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 74–76.
- Кутумова Р. С. Известные земляки в истории татарского просвещения (конец XIX — 60-е гг. XX в.). // Сибирские татары: Материалы 1-го Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 1998. С. 203–205.
- Лысов А. П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 г. Тюмень, 1898.
- Мирошников М. Русско-инородческая школа системы Н. И. Ильминского // Журн. М-ва народ. просвещения. Нов. сер. Ч. 13. СПб., 1908, февр. № 2. С. 183–210.
- Остроумов Н. К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях. // Мир ислама. Изд. император. о-ва востоковедения. СПб., 1913. Т. 2, вып. 5. С. 302–326.
- Патканов С. К. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888.
- Сафаралеева Ю. У. Развитие просвещения и культуры татар Прииртышья (вторая половина XIX — первая треть XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 24 с.
- Фальборк Г., Чернолуцкий В. Настольная книга по народному образованию. СПб., 1899. Т. 1.
- Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период (60–90-е годы XIX века). М., 1994.
- Фархшатов М. Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). Уфа, 2000.
- Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912.
- Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. Изд. император. о-ва востоковедения / Под ред. Д. Позднеева. СПб., 1913. Т. 2, вып. 4, 5.

Тюмень, ИПСО СО РАН

The article discusses reforms in a system of Moslem education with Siberian Tartars in the late XIXth — early XXth cc. It is noted that those reforms that came from official powers almost failed in West Siberian Tartar confessional schools. Subject to analysis being a jadidistic reform of school education with Siberian Tartars. The attempted analysis testifies to the fact that due to including the Tartar language into mactabah and madrasah programs, as well as due to teaching secular subjects using the native language, Moslem schools tended to acquire secular features.